

по акту, упоминающему Климента и в то же время ссылающемуся на опись стратопедарха Фоки, составленную „59 лет тому назад“ (ММ. IV, 179, 10). Так как опись Фоки была составлена в 1236 г., то время Климента (корректируем по месяцу и индикту) приходится на 1293 г. Свидетели, подписавшие грамоты № 65, тоже известны по актам 80—90-х годов, составитель грамоты № 65 Иоанн Пардалеон назван в документе от 1293 г. (ММ. IV. 229, 31). Исходя из всего этого, мы можем отнести грамоту № 65, корректируя по индикту, к 1293 г.

Однако, поскольку мы знаем, что в конце XIII в. в Смирнской канцелярии сложился устойчивый формуляр купчих грамот, следует предположить, что купчая № 65 поддельна. В связи с этим стоит и ни с чем несообразная датировка. Впрочем, может быть, после Николая Филокинегита номики Смирнской канцелярии возродили старый формуляр.

Несмотря на незначительное количество сохранившихся византийских купчих грамот, несмотря на некоторые отличия в грамотах одной и той же канцелярии, можно с известными основаниями признать наличие в Византийской империи различных локальных формуляров купчих грамот. В Византии грамоты не строились по мертвому шаблону, но их формуляр изменялся во времени и разнообразился в зависимости от места их изготовления. Подобно тому как Византийскую империю мы не можем в настоящее время считать неизменявшейся, абсолютно застойной, подобно тому как отвергнута легенда о полном консерватизме византийских учреждений, так точно не приходится говорить и о шаблоне византийских купчих грамот.

А. П. Каждан

ПРОФ. К. Н. УСПЕНСКИЙ. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ИКОНОБОРЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В VIII—IX вв. ФЕОФАН И ЕГО ХРОНОГРАФИЯ

Предисловие

Труд К. Н. Успенского составляет первую — источниковедческую — часть его большого исследования, посвященного рассмотрению истории иконоборческого движения. Ввиду преждевременной смерти К. Н. Успенского, подготовленная им к печати первая часть исследования¹ „Феофан и его хронография“ так и не увидела в свое время света и появляется в печати впервые лишь сейчас.

Со времени написания работы К. Н. Успенского прошло более тридцати лет. За это время коренным образом изменились методологические установки русского византиноведения, ставшего на путь марксистско-ленинской методологии.

В советской исторической науке, основанной на марксистско-ленинской методологии, изучению иконоборческого движения в Византии отводится значительное место. В работах советских историков преимущественное внимание уделяется вопросам социально-экономической истории Византии,²

¹ Ср. К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии. М., 1917, стр. 268.

² Назовем, напр., работы: Б. Т. Горянов. Иконоборческое движение в Византии. — Истор. журн., 1941, № 2; Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. — Вестн. древн. ист., 1939, № 1; Е. Э. Липшиц, „Земледельческий закон“ и сельская община в Византии. Л., 1936. М. Я. Сювямов. Проблемы иконоборчества в Византии, Свердловск, 1948.

т. е. именно тем, к рассмотрению которых был особенно склонен и сам К. Н. Успенский.³

На Западе опубликован также ряд специальных исследований и изданий источников, относящихся к иконоборческому периоду. Из публикаций источников можно назвать издание частей еще полностью не напечатанного труда Никифора (по рукописям Парижской национальной библиотеки Par. Coisl. 93 и Par. gr. 1250), ранее оставшегося известным лишь по отрывкам, изданным Питрой в *Spicilegium Solesmense* и Серруи в *Mélanges d'archéologie et d'histoire* (1903). Благодаря этим данным стали известны сочинения Епифания, или (как предполагают некоторые исследователи), вернее сказать, те подложные сочинения, которые ходили в период иконоборческих дискуссий под именем Епифания. Новому исследованию подвергнуты и взгляды Константина V—иконоборца, слова которого цитируются в „Антиретиках“ Никифора патриарха. Таким образом, стала более, чем прежде, известна литература, вышедшая из иконоборческого лагеря, отражающая мнения и воззрения сторонников иконоборчества. Появился ряд новых работ, освещающих историю возникновения богословско-философских концепций иконоборцев и иконопочитателей, общий ход развития движения, его источники. (В частности, имеется новое решение вопроса о хронологии Феофана).⁴

Однако перечисленные исследования буржуазных ученых не дают сколько-нибудь удовлетворительного решения тех важнейших вопросов, которые ставит перед наукой изучаемый период истории Византии. В них совсем не уделено внимания глубоким социальным причинам иконоборческого движения, не выяснена его общественно-экономическая сущность, его движущие силы и самое движение не поставлено в связь с борьбой эксплуатируемых масс населения империи против императорского правительства, имевшей место в VIII—IX вв. Характерно, что буржуазные исследователи, занимавшиеся в последнее время вопросами иконоборчества, преимущественное внимание уделяют богословским концепциям иконопочитателей. При этом концепции эти обычно рассматриваются чисто формально, в полном отрыве от социальной сущности движения. По этой причине анализ их остается лишь на поверхности явлений. Подчас некоторые из буржуазных ученых (Г. Острогорский) становятся на путь полной апологетики иконопочитательских концепций, стараясь всемерно затушевать прогрессивный характер иконоборческих реформ.⁵

В подобной идеалистической, антинаучной трактовке вопросов иконоборчества с особой наглядностью проявляется все возрастающая реакционность современного западноевропейского и американского византиноведения.

³ Ср., кроме публикуемой работы, другие работы К. Н. Успенского: *Очерки по истории Византии*. М., 1917 (гл. XII—XX); *Экссуссия-иммунитет в Византийской империи*. — *Виз. Врем.*, т. XXIII, 1923.

⁴ Ср., напр., Г. Острогорский. Соединение вопроса об иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества. — *Sem. Kond.*, t. I, 1927, стр. 35—48; его же. Гносеологические основы византийского спора об иконах. — *Sem. Kond.*, t. II, 1928, стр. 47 и сл. сл.; его же. *Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites*, 1929; его же. *Ueber die vermeintliche Reformtätigung der Isaurier*. — *Byz. Ztschr.*, XXX, 1929—1930; его же. *Les débuts de la querelle des images*. *Mélanges Diehl*. 1930; E. Martin, *History of the iconoclastic controversy*. London, 1930, и др.

⁵ См. перечисленные выше работы Г. Острогорского. Ср. также полемику Н. Grégoire'a против J. Bury по вопросу о павликянском движении. Н. Grégoire. *Les sources de l'histoire des Pauliciens*. — *Bull. de la classe des lettres de l'Acad. royale de Belgique*, t. XXII, 1936, p. 224 etc.

В отличие от современных буржуазных исследователей, К. Н. Успенский, как уже было указано, уделяет в своей работе наибольшее внимание социальной и экономической истории иконоборчества. Именно поэтому труд его и сейчас еще представляет большой научный интерес, несмотря на то, что не все высказанные им положения могут быть признаны равно убедительными и приемлемыми с точки зрения требований современного советского византиноведения.

В предлагаемом вниманию читателя труде, еще более, чем в своих других работах, К. Н. Успенский встает во весь рост как мастер тонкого исторического анализа, вскрывающий в давно известном материале новые черты, как исследователь, дающий ценный материал и для историка-марксиста.

Рассматривая источниковедческие вопросы, К. Н. Успенский пытался вскрыть глубокие социальные корни иконоборчества. „Мы уже отлично понимаем, — пишет он, — что сам по себе узкий и мелкий вопрос об иконопочитании не мог держать в состоянии кипения общественные страсти в течение более чем столетия. Спор по вопросу об отношении к иконам и святым изображениям должен выясняться, как идеологическая надстройка или пристройка у более существенного и, я бы сказал, социального столкновения. Иконоклассия и иконодулия — только символы, идейные маски, прикрывающие собой действительные, живые лики борющихся в VIII в. в империи общественных сил“. Общая направленность интересов исследования К. Н. Успенского, как это видно из приведенной цитаты, совершенно правильно переносит центр тяжести на изучение социально-экономических корней иконоборчества.

Однако было бы неверно считать, что К. Н. Успенский вкладывал в понятие этих социально-экономических корней то содержание, которое видят в них историки-марксисты. Даже по первой части труда К. Н. Успенского (как и по его другим работам)⁶ ясно видно, что для него вопрос сводится к изучению роли монашества, монастырей, „как носителей феодального расчленения“ и исследованию „истории монастырского землевладения“. Такая постановка вопроса чрезмерно суживает задачу. Она выбрасывает из рассмотрения решающие движущие силы, проявляющиеся в классовой борьбе угнетенных классов византийского общества, т. е. именно те силы, которые своей борьбой против господствующей церкви и правительства в значительной степени определили необходимость для последнего вступить на путь реформ. При всем большом значении, которое имеет изучение истории монастырского землевладения для истории и экономики Византии VIII—IX вв., этого изучения далеко не достаточно для освещения сложной проблемы иконоборчества. Кроме того, у К. Н. Успенского проявляется явная идеализация монастырской жизни и монастырей, связанная с общей идеалистической методологией автора. Правда, публикуемая часть работы является лишь одной из частей исследования. Но К. Н. Успенский в своих обобщениях и замечаниях методологического характера уже и в этой части с полной ясностью охарактеризовал свою точку зрения и те пути, по которым он намеревался строить свое дальнейшее исследование.

Общая целеустремленность работы К. Н. Успенского, направляющая острие его анализа источников на изучение социально-экономической истории VIII—IX вв., может, однако, дать много важного и советскому историку. При исследовании источниковедческих проблем, которыми собственно и ограничивается К. Н. Успенский в первой части своего

⁶ Ср. заключение публикуемой работы и „Очерки по истории Византии“, гл. гл. XII—XX.

труда, автор делает ряд тонких и глубоких наблюдений, заставляющих подчас источники играть новыми красками, не заметными на первый взгляд. Именно в силу этого работа К. Н. Успенского не утратила своей свежести и интереса и сейчас. Если ряд положений, высказанных К. Н. Успенским, являются не убедительными и не доказанными с точки зрения требования современной марксистской науки, то все же нельзя не признать, что их удельный вес в данной (источниковедческой по своим задачам) части работы не так уж велик по сравнению с тем большим вкладом, который автор сделал в части новой оценки известий Феофана, Анастасия и Никифора для социальной истории иконоборческого движения. Ярко и интересно поставлен вопрос о личности Анастасия и правильно подвергнут смягчению резкий, уничтожающий отзыв де Боора о познаниях Анастасия в греческом языке. Обоснованной является и полемика против оценок де Боора и предпринятая им реабилитация перевода Анастасия Библиотекаря. Таким образом, в оценке этих источников К. Н. Успенский сказал новое слово, пошел значительно дальше своих предшественников, и результаты его наблюдений могут бесспорно оказаться чрезвычайно полезными для всякого ученого, занимающегося проблемами византийской истории VIII—IX вв.

Е. Э. Липшиц

ФЕОФАН И ЕГО ХРОНОГРАФИЯ

1

Нет никакого сомнения в том, что в ряде исторических источников иконоборческого движения на первое, руководящее место выдвигается Хронография Феофана Исповедника. С одной стороны, это летописное повествование в своем целом решительно признано центральным в византийской хронографической литературе — по обстоятельности изложения, мастерству расположения материала, прекрасному выбору его и т. д. А с другой — в той части, которая заключает в себе историю иконоборческих императоров, Феофан является самым ранним и в значительной мере современным первоисточником, имея то же значение, что, например, Фукидид для истории Пелопоннесской войны. И здесь вопрос о том, что мог знать и сообщить историк, сменяется иным — что он желал сообщить.

Как будто бы в этой последней части своего огромного труда, где он, как казалось бы, ни от какого предшественника-летописателя не зависел, Феофан и должен быть особенно ценен. И если он сообщает не все из того, что знал, то во всяком случае то, что он сообщает, достоверно и фактично. Если он пристрастен и окрашивает сообщения в определенный цвет, если, как современник, не в состоянии отказаться от субъективной оценки и изображения, то зная, кто он, мы могли бы все-таки добраться, путем отслаивания субъективных налетов и искажений, до той правды, которая „там внутри“. Заранее оговариваюсь, что в пределах моей темы я считаю возможным говорить о Феофане только как об источнике иконоборческого движения, т. е. имею в виду лишь ту часть его Хронографии, которая явственным образом отделяется в самостоятельное произведение, как по составу источников, так и по преобладанию здесь уже субъективного момента. Поэтому я, уверенный в своей правоте, оставляю в стороне те „кардинальные“ вопросы, которые обыкновенно ставились и решались по отношению к Феофану